

И. В. Бабич (Москва)

СОЛДАТСКИЕ СЛОБОДЫ В МОСКВЕ НА ИСХОДЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА И «КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС»

СЛОВО «КВАРТИРА» в современном русском языке понимается как отдельное жилое помещение в доме, и только третье его значение, согласно толковому словарю, связано с местопребыванием войск. В «Лексиконе» же В. Н. Татищева, работу над которым он начал в 1730-е гг., это последнее значение трактуется как единственное¹. Вместе с тем популярная на рубеже XVII–XVIII вв. повесть о приключениях новгородского дворянина Фрола Скобеева в Москве, а также материалы переписей населения в Петербурге в 1716–1717 гг. фиксируют наличие понятия и выражения «стать на квартиру» (вариант: фатеру) в гражданском быту². Распространение военного термина на социум в целом служит еще одним подтверждением эталонной роли армии в русском обществе. Но было ли взаимодействие армейского и «циивильного» укладов и структур повседневности однозначенным?

В обстановке войны удобства временного жилья зависели от текущей ситуации боевого противостояния, местных особенностей, смекалки квартирмейстера и навыков солдат. В мирное время привыкший к подчинению «гражданских» своим требованиям «человек с ружьем» оказался вынужден приспосабливаться к жизни, где он хотя и имел некоторые привилегии, но «героем» становился чаще в «делах» о нарушении благочиния. Переход от кочевья наступлений и отступлений, осад и взятий к «оседлости», от необходимости решительного сопротивления врагу к бесконфликтному в идеале сосуществованию с соседями по-новому актуализировал «квартирный вопрос».

Постой у «обывателей», несмотря на его тягость для населения и неудобство для текущего надзора, на протяжении всего XVIII в. доминировал³ в российском военном быту. Казарменное обустройство, известное с античных времен, при наличии уже существующих обширных помещений применялось⁴, но за редкостью таких сооружений оставалось исключением. Тот же В. Н. Татищев относил к казармам и «для покоя» солдат «в одном порядке построенные избы... каменные и деревянные»⁵, фактически не разграничивая казарму и слободу. В Москве, недавно основанном Петербурге и некоторых (преимущественно пограничных) городах существовали солдатские слободы, сформированные, подобно большинству других слобод, по корпоративному принципу. Проблема такой сепарации регулярной армии от гражданского населения, при которой обеспечивалось бы поддержание боеготовности не растворенного в обывательской среде военного контингента и не росли затраты (при возведении и ремонте особых помещений) на его содержание, оставалась актуальной. Власти вновь и вновь перебирали варианты возможного решения. Еще в 1692 г. легендарный сподвижник Петра Великого Ф. Я. Лефорт писал, что уже «тридцать лет тому назад сознавали необходимость сосредоточить их [солдат] в одном месте, но это никогда не исполнялось»⁶. Первые опыты размещения полков на «вечных» квартирах в Новгородской губернии и широко-масштабные подходы к устройству полковых дворов как одного из звеньев задуманной Петром реформы системы финансирования вооруженных сил и структуры областного управления анализировал М. М. Богословский. Он ярко представил, как изменилась бы «сельская картина России», если бы замысел великого преобразователя реализовался: «...Среди крестьянских рубах замелькали бы военные мундиры, и среди крестьянских селений островками вдвинулись бы солдатские слободы, построенные по однообразному казенному рисунку /.../ и среди прихотливости и беспорядка окружающих деревень с их большими и малыми, крепкими и покосившимися избами домики таких военных слобод должны были вытянуться с таким же монотонным однообразием, как их обитатели на фронтовом учении»⁷. Однако в масштабах страны проект не воплотился, за исключением «вечных квартир» гвардии в Петербурге.

Весной 1730 г. дилемма между постоем и казармой/слободой (оба определения буквально чередовались в черновом и чистовом

экземплярах апрельских указов, что подтверждает колебания в выборе решения) вновь рассматривалась в Сенате. Для сбора данных (о текущем состоянии дел) летом того же года была инициирована перепись в Лефортовской, Бутырской и Преображенской солдатских слободах⁸. Ее материалы – своего рода ментальный снимок не нормативного, а реального быта. Планировалось собрать сведения о числе дворов, «и кто в них жители и в которых дворах являются разночинцы кроме офицеров и солдат, о тех свидетельствовать давно ль оные в тех дворах живут и по каким крепостям и сколько на тех дворах какого строения»⁹. Распоряжение о сносе «разночинцевых» строений, если они помешают перестройке слобод по единообразному плану («образцовым» рисункам), последовало только в сентябре¹⁰. Но привыкшие читать между строк или снабженные какими-то устными пояснениями переписчики сразу сфокусировали внимание именно на постройках «чужаков». Несмотря на единую программу и сроки проведения переписи, ее формуляр в трех воинских частях различался.

В пронумерованных записях Лефортовского полка (официально он назывался в то время Первым Московским, слобода же сохранила имя Лефортово) основное внимание уделялось фактически проживающим на его территории лицам, включая как хозяев домов, так и живших «из найма». Для этой категории, помимо их социального статуса, сообщалось о документах (паспортах, покормежных письмах и др. с полными именами заверивших их особ и сроков действия) на право и длительность отлучки от мест номинально постоянного проживания, о своевременной уплате ими налогов. Перечислялись и разного рода жилые и нежилые (амбары, «хлевки» и т. п.) «покои» во всех дворах. Бутырский полк представил простой перечень фамилий хозяев «строений», привязанный не к топографии, а к «чинам»: обер- и унтер-офицеры, солдаты, отставные, вдовы, служащие полковой церкви, разночинцы. Здесь, в отличие от Лефортова, под «разночинцами» понимали не только людей невоенных, но и служащих в любых частях, кроме своего полка. При этом о «своих», слободских сообщалось только, купили они жилье или «строили от себя». В Преображенском учетчики сосредоточились на локации застройки по традиционной для переписей схеме с учетом объектов при последовательном движении от некоего ключевого пункта (например: «идучи от съезжей избы третьею улицею по правую сторону»). Иногда указывался способ ограждения участка (плетнем,

кольем), дата покупки строения и имя продавца, делались отметки о ветхости / новизне сооружения. Описывались исключительно «чужие» постройки.

Счетной единицей выступали дворы, и лица, имевшие два двора, подсчитывались дважды. Фактически в Лефортове у 395 дворов было 353 хозяина, в Преображенском у 485 учтенных дворов (по подсчетам переписчиков 481) 471 хозяин. В Бутырках, где перепись зафиксировала разделение двора между двумя или даже тремя лицами при 492 дворах (по подсчетам переписчиков 490) отмечено 684 имени владельцев «строений».

Хотя Лефортовская и Преображенская слободы почти соседствовали, а Бутырская отстояла от них менее чем на десяток verst, то есть кратно ближе допустимой протяженности расположения одного полка¹¹, априорные обобщения путем экстраполяции разнородных сведений едва ли оправданы. Ведь московский быт при интенсивном перемешивании¹² домохозяйств на землях разного статуса (дворцовых, стрелецких, пушкарских, монастырских и др.) вследствие продажи, наследования целых владений и их долей персонами разной сословной принадлежности отличался чрезвычайной многоукладностью.

Однако есть и нечто общее, что ярко проступает в сводной переписной табели, несмотря на разность подходов к учету (в Лефортовском и Бутырском полках действительно служащие, отставные, солдатские вдовы и дети фигурировали порознь, в Преображенском служащие, их вдовы и сыновья учтены суммарно¹³) – см. таблицу 1.

Из приведенных цифр очевидно, что солдатские слободы основного полкового контингента отнюдь не аккумулировали. Уже сам объем дворового фонда не предполагал возможности полностью разместить всех строевых и нестроевых чинов. Но причина едва ли состояла в нехватке места. Так, в Бутырках насчитали 277 «порозжих» дворовых мест. При самом устройстве слобод, вероятно, принималось в расчет то, что часть служащих уже имела какое-то жилье, ведь и Ф. Лефорт построил для своего полка лишь 500 домов¹⁴.

Обитатель Преображенской слободы сенатский копиист Степан Андреев сообщил, что унаследовал свой участок от матери, наделенной им, в свою очередь, «по старой даче, как отводили двор солдатам»¹⁵. По-видимому, освоение участков выступало как предложение, а не предписание. К слову, когда в 1741 г.

в Петербурге состоялось заселение Семеновской слободы, возведившейся на регулярных началах, новоселы в ней не составили и четверти полка¹⁶.

В то же время могла идти речь и о директивном водворении. В дошедших в конечном счете до Сената (и разбиравшихся там поименно на протяжении 1732–1734 гг.) челобитных по поводу невыплаты отставным бутырцам¹⁷ жалованья за 1723–1726 гг. упоминалось, что солдаты после отставки по смотру 1723 г. получили указ «жить в слободе» для караулов и посылок, которые и отправляют. Просили при этом не только о жалованье, но и об освобождении от караулов. Освобождение челобитчиков последовало наряду с предписанием распределить их по богадельням и монастырям. Последнее, впрочем, конкретными определениями не обеспечивалось¹⁸. Наиболее знаменателен здесь сам факт требования Сенатом подтвердить размещение «истцов» именно в слободе¹⁹. Он обнаруживает осведомленность о том, что принципиально признаваемая норма соблюдалась лишь отчасти, хотя официально Бутырская, Лефортовская и гвардейские слободы в Москве и рассматривались как образец при возможном распространении такого типа размещения полков на всю страну²⁰.

В этом контексте примечательны два свидетельства, относящиеся к Лефортову. «Гофшпитальный ученик» Иван Еремеев, снимавший на дворе у гобоиста Андрея Селиверстова отдельную избу, согласно «письму» мог «нанимать квартиру, где похочет, того ради, что женатым при шпитали квартир не имеется». Аналогичную «справку» явил жилец одного из двух дворов, фигурирующего то как «фелшар», то как «цирульник» Никиты Первухина — «ученик» парусного дела Андрей Данилов. Он получил разрешение «жить где похочет... за умалением фатер»²¹.

И особое требование об обязательном размещении в слободе отставных и освобождение от поселения на подконтрольной территории «учеников» обнаруживают, что проживание лиц, связанных с военным ведомством (здесь через госпиталь и Преображенскую парусную фабрику), стремились регламентировать. Однако регулирование простипалось в первую очередь на «слабые» звенья служебной цепочки — «старых и малых». Заключить же в слободской формат расселение адаптированных к возможностям города солдат — за счет наличных и вновь образующихся семейных связей — удавалось сложнее. Так, в Преображенской слободе едва ли не основными хозяевами учтенных дворов оказались

Таблица 1
**Таблица с поданными при доношении генерал-фельдмаршала и кавалера князя Василия Васильевича
Долгорукова ведомостей о дворах Первого Московского полка Бутырской и Преображенской
слободам количестве число во оных разных чинов дворов**

В Ладортовской дворов	В Бутырской дворов	В Преображенской дворов
Первого Московского полку служащих:		
обер-офицерских	11 обер-офицерских	7 Пребраженского полку штаб-офицерских
унтер-офицерских и капральских	24 унтер-офицерских	34 обер-офицерских служащих и умерших их жен
солдатских	201 солдатских и прочих чинов	297 унтер-офицерских служащих и умерших жен и детей
жен вдов и детей:	отставных уряднических и солдатских	79 бомбардирской роты учеников и мастеровых людей
обер- и унтер-офицерских	61 солдатских жен, вдов и детей	38 ленинчики
солдатских	29 различинцевых	5 неслужащих
Преображенского полку служащих	7 церковников, разных чинов	30 отставного батальона и роты унтер-офицерских и солдатских жен и детей
отставных	2	

Семеновского полку служащих	1	Семеновского полку унтер- офицерских и солдатских жен и детей	5
отставных	2	отставных	1
Драгунского Московского шквадрона	3	Преображенской фабрики служителей	7
разных полков обер- и унтер- офицерских и солдатских	9	Разных команд штаб- и обер- офицерских	8
разночинцевых, церковниковых	7	отставных матросских	134
разных чинов молодой	38	драгунских	4
		отставных разных полков солдат и жен и детей	13
		разночинцев	72
Итого	395	Итого	490
При той же слободе обер- и унтер-офицерских и солдатских и прочих чинов лавок	13	сверх оных дворов порозжих мест дворы имеющих	277
да харчевен	3		опалной
			1

отнюдь не полковые чины. Многие именно от преображенцев их и приобретали — в переписи сохранилось до 90 упоминаний таких купчих. Датированы 76 из этих сделок. Почти половина (34) совершена в период с 1712 по 1724 г., т. е. еще при Петре, много внимания уделявшем упорядочиванию квартирного быта.

Перепись свидетельствует о пестроте состава населения Лефортова и Преображенки, где «мундиры» с «рубахами» образовали причудливый симбиоз. Многие обитатели Лефортовской слободы (совсем не пускали постояльцев 184 хозяина из 349) сдавали «жилплощадь», капитализируя свое достояние. Лишь 13 человек заявили, что жильцы пущены по родству/свойству. Остальные откровенно ориентировались на сдачу целого помещения или его части, а также части участка (где постояльцы жили «своим строением») либо прикупного двора в аренду одному, двум или более лицам. Солдат Иван Жеглов уже 20 лет делил избу с жильцом, Оружейной палаты слесарем, стаж пребывания которого в слободе, «переходя» от хозяина к хозяину, шел с 1700 г. Капрал Герасим Бурков имел две избы, в одной из которых он жил сам, а другую сдавал двум братьям Анисимовым — костромским помещичьим крестьянам. Род их занятий в Москве не означен, зато известно, что они, в свою очередь, проживали вместе с тремя наемными работниками — разных владельцев крестьянами Костромского и Ярославского уездов. Были и такие, кто сдавали целые дворы, сами проживая в других или вовсе отказавшись от пребывания в слободе.

В этом отношении поведение их укладывалось в рамки общей городской практики, которую еще полвека назад власти пытались взять под контроль, добиваясь «явки» отдаваемых в наем помещений в Дворцовом и Судном приказах со взносом пошлин²². Очевидно, уже тогда развивающаяся как центр экономических связей Москва превращала даже самое скромное жилье в густо населенном мегаполисе в источник возможного дохода. В сделках купли/продажи, совершенных в это время в Москве, наряду с целыми дворами фигурируют и отдельные строения на земле, нанятой у церкви или частных владельцев. Поприще «хозяина» жилья объединяло и гражданских, и военных москвичей.

По-видимому, не без влияния предприимчивости держателей казенных участков в солдатских слободах изменялся их первоначально одинаковый размер, что прослеживается не столько на уровне приобретения вторых дворов (такие случаи редки),

сколько «округления» единственного двора. Ученные в ходе переписи участки не получили точного обмера, но в Лефортове для 246 дворов была зафиксирована — в количестве звеньев забора — протяженность выходившей на улицу ограды. Оценить ширину означенных при этом калитки и/или створчатых ворот нет возможности, звено же равнялось приблизительно 3 саженям²³. Диапазон числа звеньев простирался от одного до 15. При этом 58 участков имели забор из одного—полутора звенев, а 22 — свыше 5. Неравномерность величины дворов была присуща и Преображенской слободе. Например, усадьба «бывшего Преображенского приказа канцеляриста» Льва Хрущева вмещала 2 горницы на глухих подклетах, третью горницу на жилом подклете со светлицами, 2 погреба с напогребицами, амбар, конюшню, сушило, сарай, в саду (и это единственное упоминание сада во всей слободе) баню с передбанником. А отделенное от него двумя дворами хозяйство матроса Преображенской парусной фабрики Ильи Бычкова, унаследовавшего его от отца-солдата, ограничивалось ветхой избой с сенями, причем ни об огороде, ни о «городьбе» не было и помину²⁴.

Среди лефортовцев, умевших извлечь выгоду из казенной земли, встречаются практически все категории ее пользователей. В количественном отношении первенствующую группу (194 человека) составляли действительно служащие солдаты. Заметную активность проявляли вдовы и девицы. Сестра фельдшера Никиты Первухина, вдова Ульяна, проживая на дворе брата, сдавала часть своей избы крестьянину вотчины Преображенского полка поручика Дашкова. «Капитанская дочь» Авдотья Соколова, занимая одну из «светлиц» сама, еще в 1728 г. пустила в дом Сыромятной слободы тяглеца, двух посадских людей Алексеевской слободы и города Серпухова, а еще одну избу нанимал ярославский монастырский крестьянин, и «особым своим строением» (подсчитан как отдельный двор) проживал с 1715 г. «стрелецкий сын».

Наиболее «военный», по крайней мере на бумаге, облик отливал Бутырки. Здесь зафиксировано проживание самой большой относительно общего состава полка солдатской общности (около половины, тогда как в Лефортово едва четверть, а у преображенцев даже при учете только московской команды это число не превышало и пятой части²⁵). Бутырская «разночинцевая» составляющая была самой малочисленной среди трех солдатских

слобод и «профильной» по составу (из 30 хозяев этой категории лишь пятеро не принадлежали к военным чинам). Другой особенностью Бутырок, как отмечено выше, было сосуществование единоличных и долевых домовладений. При формировании учетной записи критерием выступал статус первого из упомянутых домовладельцев. Так, двор солдата «Ильи Соловьева да вдовы Акулины Козминой дочери» попадал в разряд солдатских. В то же время двор вдовы Татьяны Наумовой «да солдата» Костянтина Евдокимова числился среди дворов «вдов салдацких жен Бутырского полку». Двор Тихона Пермянского и Василия Волохова – среди «отставных», хотя названный вторым Волохов пребывал на действительной службе. Двор барабанщика Артамона Алексеева и солдат Ивана Корелякова и Ивана Рыбкина числился среди чинов Бутырского полка, хотя Рыбкин служил в Углицком полку, а дворы служащих других частей здесь относили к «разночинцевым». При этом среди «первых» хозяев около 88 % составляют действительно служащие, а среди названных вторыми и третьими их 62 %.

Опись акцентирует принадлежность не двора, а дома – «строил от себя», «строением владеет по купчей». Единоличными владельцами были 303 человека (61,6 % дворов), по двое хозяев имелось в 179 владениях, по трое – в 10. Среди «единоличников» 45,8 % (139) строили «от себя», 41,2 % (125) приобрели жилье покупкой, 13 % (39) получили по наследству (происхождение собственности двух владений – по одному в единоличной и долевой группе – неизвестно). В группе долевых дворов 189 первенствующих хозяев имели 118 домов по купчей (62 %), 57 построились сами (около 30 %), 13 (6,9 %) унаследовали; из 199 вторых и третьих хозяев в таких дворах 114 получили свою долю покупкой (60 %), 64 (34 %) строили, 21 (11 %) унаследовали. Т. е., эта группа была в известной степени гомогенна и отличалась от единоличных владельцев с точки зрения соотношения покупного и построенного жилья.

Можно принять гипотезу о том, что перепись отразила практику первоначального наделения дворами в единоличное пользование, со временем по разным причинам «обраставших» соседями. Но допустимо и предположение о том, что были лица, изначально ориентированные на приобретение доли владения. Такого рода сделки, хотя не часто, но неизменно фиксировались и на остальной городской территории. Еще в 1715 г. трое солдат

Семеновского полка на 3-й улице Мещанской слободы купили сообща двор в 33 квадратных сажени, а солдат Преображенского полка продал однополчанину $\frac{1}{2}$ избы за Яузскими воротами в Гончарной слободе. И в 1730 г. двое семеновцев совместно приобретают в Мещанской одну избу с огородом²⁶.

Однаково заметное присутствие среди и единоличных, и долевых владельцев лиц, дома унаследовавших, свидетельствует об укорененности обоих типов проживания. Только 5 человек имели наряду со своим двором еще долю в другом дворе, и лишь 2 – еще по целому владению.

Перепись не отвечает на вопрос о том, были ли обитатели Бутырок владельцами отдельных строений с разными хозяевами или поделенного на двоих или на троих домового комплекса. Именно эта модель рассматривалась как перспектива для солдатских слобод еще в «Плакате» 1724 г. Сведение двух изб под одну кровлю предполагал и сенатский указ от 4 сентября 1730 г.²⁷ Однако в описанных полностью домах Лефортовской слободы такая конструкция встречается всего 5 раз. Причем во всех случаях речь шла о единоличном хозяине строения.

Что касается динамики бутырского домовладения, то при отсутствии дат приобретения строений единственной возможностью воссоздания ее не столько временного, сколько возрастного вектора служат упоминания в переписи 1730 г. 324 лиц, которые состояли в полку в 1720 г. (с указанием года вступления в службу)²⁸. Им принадлежали 330 домовладений. В этой группе процент долевой собственности не однолинейно, но рос относительно более молодых по службе категорий, как и число тех, кто предпочел купить уже готовое строение, а не возводить его вновь (см. таблицу 2).

Среди входивших в состав полка в 1720 г. и являвшихся хозяевами домов в 1730 г. лиц к потомственным слобожанам принадлежали 185 человек. Постоянный элемент структуры владельцев – наследники, которыми становились не только «после отца», хотя такие, безусловно, преобладали, но и «после тестя» – 4 человека, «после матери» – 2. Несмотря на незначительность этих последних цифр, они показывают, что фактически домовладельческие права женщин, как и в других частях города, признавались, почему и сын мог считаться наследником как после отца, так и после матери. В одном случае хозяйкой числится солдатская дочь «девка», хотя двор и записан по ее отцу («двор фурьера

Таблица 2

Домовладельцы Бутырской слободы по данным о составе полка в 1720 и переписи 1730

Вступили в службу		До 1700	1700–1704	1705–1709	1710–1714	1715–1719
	330	17	50	58	129	76
Владели единолично						
купили	62	5 (29,4%)	9 (18%)	11 (19%)	24 (18,6%)	13 (17,1%)
строили	63	5 (29,4%)	7 (14%)	15 (25,9%)	21 (16,3)	15 (19,7%)
наследовали	10	2 (11,8%)	2 (4%)	2 (3,4%)	2 (1,5%)	2 (2,6%)
Итого	135	12 (70,6%)	18 (36%)	28 (48,3%)	47 (36,4%)	30 (39,4%)
Владели долей						
купили	133	2 (11,8%)	18 (36%)	24 (41,4%)	55 (42,6%)	34 (44,8%)
строили	50	3 (17,6%)	10 (20%)	6 (10,3%)	22 (17%)	9 (11,8%)
наследовали	11	–	4 (8%)	–	5 (4%)	2 (2,6%)
Нет данных	1	–	–	–	–	1 (1,3%)
Итого	195	5 (29,4%)	32 (64%)	30 (51,7%)	82 (63,6%)	46 (60,5%)

Степана Устинова да дочери ево девки... после отца»), еще в одном случае солдатская дочь числится хозяйкой во дворе наравне с братом, оба выступают как равноправные наследники — каждый своей доли «после отца». Наконец хозяйкой двора, «записанного» на ее уже покойную мать, солдатскую вдову, являлась жена тяглеца Бронной слободы. Т. е. в солдатских слободах действовали нормы наследования, обычновенные для современного городского обихода.

Военное начальство указывало на материальную невозможность живущим лишь жалованьем офицерам входящих в Москву полков нанимать квартиру²⁹. Вместе с тем в частях, искони обретавшихся в городе, большинство солдат фактически не были домохозяевами в «своей» слободе. При этом лефортовцы, судя по переписи, привязаны были к слободе меньше бутырцев. Задокументировано лишь 150 имен слобожан из числа тех, кто служил в нем в 1720 г.³⁰ (против 324 в Бутырках). Преображенцы же обнаружили явную готовность продать отведенное им слободское жилье.

Среди зафиксированных сделок с московскими дворами и строениями в 1730 г. солдаты-владельцы из числа бутырцев встречаются дважды и лефортовцы четыре раза³¹, что аналогично показателям опубликованных данных за 1720–1725 гг.³² Рядовых преображенцев — собственников жилья вне «ведомственной» территории существенно больше³³ (так, в 1730 г. встречаются 41 действительно служащий, 14 отставных и 6 жен таких чинов). Но это не идет ни в какое сравнение с объемом того отсутствующего в солдатских слободах контингента, который и давал им наименование. Подобно другим московским слободам, профиль «солдатских» (во всяком случае Лефортовской и Преображенской) становился все более размытым. Ассимиляция городской средой в качестве сына, мужа, родственника, свойственника, а то и наемника у хозяев в это время была, по-видимому, доминантой солдатского проживания. Обзаведение своим домом по месту службы обеспечивало повседневный комфорт, но не будущее, определявшееся не личными планами, а указом. В «небытность» же хозяина двор с деревянными постройками неизбежно должен был разрушаться³⁴. И если перманентно инициируемые властью проекты регулярного переустройства слобод постоянно откладывались ввиду более неотложных задач (как то мещание мостов между Петербургом и Москвой и т. п., не говоря уже

о военных действиях), то на обиходном уровне роль постояльца в окружении «штатских» горожан представлялась более оптимальной, чем роль хозяина в пространстве «своей» слободы. Для солдата, как и для обычного московского жителя, лишенного личной предприимчивости, собственность выступала не столь-ко благом, сколько бременем, а возможности «стать на квартиру» были широки.

¹ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 3. С. 189.

² Повесть о Фроле Скобееве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 15. С. 70; Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 62, 91.

³ Ляпидевский Н. История казарменного помещения войск в России // Инженерный журнал. 1881. № 4. С. 305.

⁴ В донесении Военной коллегии в Сенат летом 1730 г. сообщалось о размещении в киевской Печерской крепости в казармах холостых унтер-офицеров и солдат при невозможности «от утеснения» поселить там же женатых. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 486.

⁵ Татищев В. Н. Лексикон... С. 121.

⁶ Ф. Лефорт. Сборник документов и материалов. М., 2006. С. 103, 104.

⁷ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1718–27 годов. М., 1902. С. 365.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 42–152. Этот источник уже привлекал исследовательское внимание. Данные, относящиеся к Лефортовской слободе, анализировались в ряде работ И. А. Работкевич, посвященных истории этого района на Москвы: См., например: Работкевич И. А. Лефортово как объект культурного наследия: особенности становления и развития (конец XVIII в.–1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. Фрагмент сводной таблицы со сведениями исключительно о Лефортовской слободе опубликован в приложении к ее диссертации (с. 261).

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 42.

¹⁰ Там же. Л. 491.

¹¹ Сенатская инструкция 1722 г. генералитету и штаб-офицерам предусматривала протяженность расположения драгунской роты на 10, а солдатской на 5 верст, полка драгунского на 100, а пехотного на 50 верст. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 77.

¹² Сытин. История планировки и застройки Москвы. М., 1954. С. 187.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 151 об., 152. В приводимом тексте опущены данные о числе «покоев» в Лефортовской слободе, уже воспроизведившиеся в приложении к диссертации И. А. Работкевич. (См.: Работкевич И. А. Лефортово как объект культурного наследия... С. 261) и не имеющие сопоставимых сведений по Бутырскому и Преображенскому полкам.

¹⁴ Ф. Лефорт. Сборник документов и материалов.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 137 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2584. Д. 265. Л. 166–171.

¹⁷ В одном из реестров пострадавших от невыплат жалованья числятся и лефортовцы (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 18–18 об.), но проследить судьбу их жалобы пока не удалось.

¹⁸ Перепись 1730 г. зафиксировала наличие 24 из чинов Бутырского полка, уже с 1726 г. числившихся определенными «на пропитание» в монастыри и богадельни, в качестве хозяев единоличных (15), и долевых (9) слободских дворов: 15 из них строили свои дворы, 8 приобрели по купчей и 1 унаследовал.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 2–13; 17–22.

²⁰ Там же. Кн. 388. Л. 856. Фигурирующие тоже в качестве «образцовых» в 1733 г. квартиры Ингерманландского и Астраханского пехотных полков в Петербурге по справке из Военной коллегии в первом имели лишь 36 «связей» по два по-коя, впрочем, совершенно (до устройства печей) окончены в строении были — еще при А. Д. Меншикове — только 4 из них, а «для поселения Астраханского полку отведено место на Выборхской стороне, токмо строить не начато». Ф. 248. Кн. 398. Л. 2–4.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 76; 53.

²² ПСЗ. Т. 2. № 971. 30 ноября 1682 г. С. 481.

²³ Такое заключение можно сделать на основании сохранившейся синхронной московскому перечню слободских построек описи полкового двора в Алаторском уезде. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 393. Л. 83.

²⁴ Там же. Кн. 388. Л. 125 об.

²⁵ История 13-го лейб-grenадерского Эриванского полка его высочества полка за 250 лет (1642–1902) / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1892. Ч. 2. Приложения. С. 86; РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 37. Л. 60 об.; История лейб-гвардии Преображенского полка / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. Приложения ко II-му тому. С. 174.

²⁶ Москва. Актовые книги XVIII в. М., 1893. Т. 2. С. 35. № 618; С. 66. № 1037; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Е. х. 463. Л. 576 об.

²⁷ ПСЗ. Т. 8. № 5615. С. 321.

²⁸ История 13-го лейб-grenадерского Эриванского полка. Ч. 2. Приложения. С. 25–40.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 388. Л. 476.

³⁰ Подсчитано по РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 37. Л. 41–60 об.

³¹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Кн. 463. Л. 347, 440 об., 116 об., 303 об., 320 об., 397.

³² Москва. Актовые книги XVIII в. М., 1893. Т. 3.

³³ Посчитано по РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Кн. 463.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 79 об.